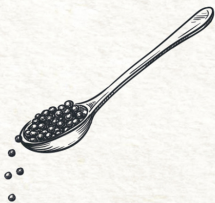

Дебора Леви

ПЛАТА

за

ЖИЗНЬ

«Яркий манифест того,
что Леви называет

новым стилем жизни

в постбрачном мире».

THE GUARDIAN

Дебора Леви
Плата за жизнь
Серия «Интеллектуальная
проза Деборы Леви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68317946

Плата за жизнь: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-175011-4

Аннотация

«Свобода не бывает дармовой. Всякий, кто добивался свободы, знает, чего она стоит». Как женщине в современном мире стать главной героиней собственной истории? Как набраться смелости повернуть жизнь на 180 градусов? И чем ради этого придется пожертвовать? В поисках ответов на эти вопросы Дебора Леви, со свойственной ее прозе лиричностью, образностью и тонким, поистине британским юмором, развенчивает традиционные мифы о «домашнем очаге». Если ответственность за благополучие и счастье семьи лежит на женщине, кто тогда в ответе за ее собственное счастье?

Содержание

1. Большой Сильвер	5
2. Буря	9
3. Сачки	14
4. Жизнь в желтом	17
5. Тяготение	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дебора Леви

Плата за жизнь

© 2018, Deborah Levy

© Мезин Н., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

1. Большой Сильвер

Как говорил нам Орсон Уэллс, счастливый конец определяется тем, в какой момент остановить рассказ. Однажды вечером я ела рыбу с кокосовым рисом в баре на карибском побережье Колумбии. За соседним столиком сидел загорелый татуированный американец. Под пятьдесят, сильные мускулистые руки, седые волосы собраны в пучок. Он разговаривал с молодой англичанкой, лет девятнадцати, которая сначала сидела одна, читая книжку, но после некоторых колебаний приняла его приглашение и пересела к нему. Говорил первое время только мужчина. Но потом девушка перебила его.

Ее речь была занятой, пылкой и странной. Она рассказывала, как на дайвинге в Мексике погрузилась на двадцать минут, а вынырнув, увидела, что на море шторм. Оно кипело, и девушка испугалась, что не доберется до лодки. Хотя речь шла о погружении, за время которого переменялась погода, это был еще и рассказ о некоей скрытой обиде. Девушка сделала несколько намеков (на лодке был человек, который, как она думала, придет ей на выручку) и подняла глаза на собеседника, проверить, понял ли он, что рассказ о шторме был иносказанием. Мужчину эта история не особо увлекла, он дернул коленями так, что стол подпрыгнул и книга юной англичанки упала на пол.

– А вы, сдается мне, говорунья, – заметил мужчина.

Она задумалась, теребя кончики прядей и глядя на двух подростков, что сбывали туристам сигары и футболки на мощенной булыжником площади. Не так-то просто донести до этого мужчины, гораздо старше ее, что этот мир – и ее мир тоже. Он шел на риск, приглашая ее за свой стол. В конце концов, у нее своя жизнь и свои влечения. Он не подумал, что девушка может не считать себя второстепенным персонажем, а его – главным героем. В этом смысле она сдвинула границы, обрушила социальную иерархию, отвергла привычные ритуалы.

Она спросила, что такое он зачерпывает тортильями из миски. Он ответил, что это севиче – сырая рыба, маринованная в лаймовом соке, – в меню по-английски означенная как *сексвиче*. «Подается с резинкой», – добавил он. Девушка улыбнулась, и я увидела, что она пытается быть кем-то смелее себя самой; тем, кто свободно путешествует в одиночку, вечером читает в баре, потягивая пиво, тем, кто рискует браться за такую трудную задачу, как разговор с незнакомцем. Она приняла его приглашение попробовать севиче, затем ловко отклонила предложение отправиться с ним на ночное купание в уединенную часть местного пляжа, где, как он уверял, «совсем нет камней».

Немного спустя мужчина заметил:

– Не люблю нырять с аквалангом. Если лезть в глубину,

то разве что за золотом.

– О, – ответила девушка, – забавно, что вы это сказали. Я как раз думала, что про себя буду звать вас Большим Сильвером.

– Почему?

– Так называлась лодка, дайвбот.

Он озадаченно покачал головой и перевел взгляд с ее груди на светящуюся надпись «Выход» над дверью. Она вновь улыбнулась, но невольно. Очевидно, поняв, что нужно умерить турбулентность, которую она принесла из Мексики в Колумбию. Девушка решила взять свои слова обратно:

– Нет, Сильвер¹ – это про вашу седину и пирсинг в брови.

– Я просто бродяга, – ответил Сильвер, – болтаюсь без цели.

Заплатив за себя, девушка попросила американца подать ей книгу, которую он уронил, для чего ему пришлось нырять под стол и подгрести томик ногами. Это вышло не сразу, и когда он возник над столом с книгой в руке, девушка не выказала ни особой благодарности, ни невоспитанности.

– Спасибо, – просто сказала она.

Пока официантка собирала тарелки с грудями крабьих клешней и рыбьих костей, я вспомнила строки из Оскара Уайльда: «Будь собой: другие роли уже заняты». Для этой девушки цитата не вполне верна. Ей пришлось пробоваться на роль себя, располагающей той свободой, которую Боль-

---

¹ Silver – серебро (англ.). (Здесь и далее примеч. пер.)

шой Сильвер брал не задумываясь, – у него быть собой выходило без труда.

«А вы, сдаётся мне, говорунья».

Рассказать о своей жизни, как мы ее видим, – это свобода, которой мы обычно предпочитаем не пользоваться, но мне показалось, что слова, которые эта девушка хотела сказать, трепетали в ней, не ясные для нее самой, как для любого постороннего.

Позже, за работой, на балконе своего гостиничного номера, я думала о том, как та девушка предлагала бродяге Большому Сильверу прочесть между строк ее невысказанную боль. Она могла бы остановить рассказ, описав чудеса, которые увидела в глубинах спокойного моря перед штором. Это был бы счастливый конец, но она продолжила. Она как бы спрашивала собеседника (и себя): «По-вашему, этот человек на лодке бросил меня?» Большой Сильвер был плохим читателем ее истории, но сама она, решила я, могла бы стать хорошим читателем – моей.

2. Буря

Стояла тишь. Светило солнце. Я плавала в глубине. И затем, когда я вынырнула на поверхность спустя двадцать лет, я увидела, что бушует шторм, кипят водовороты, грохочущий шквал вздымает над моей головой водяные валы. Поначалу я испугалась, что не доплыву до лодки, а потом поняла, что не хочу обратно на нее. Считается, что хаос – это то, чего мы боимся больше всего, но я прихожу к выводу, что, может быть, он – то, чего мы больше всего хотим. Если не верить в будущее, которое планируешь, в дом, за который платишь ипотеку, в человека, рядом с которым спишь, то может статься, буря (давно собиравшаяся за облаками) поможет тебе понять, чего ты хочешь от мира.

Жизнь рассыпается. Мы стараемся удержать осколки вместе. А потом понимаем, что не хотим их удерживать.

Мне было около пятидесяти, и жизнь вроде бы должна была замедлиться, стать стабильной и предсказуемой, но она ускорилась, стала нестабильной и непредсказуемой. Мой брак был той самой лодкой, и я знала, что если попытаюсь вернуться на нее, то утону. Это призрак, который будет меня преследовать до конца моих дней. Я никогда не устану сокрушаться о том, что так долго хотела испытать непреходящую любовь, которая не умаляет главных героев. Я не уве-

рена, что мне случилось видеть такую любовь, так что, возможно, моя идея обречена остаться призраком. О чем меня спрашивает этот призрак? Конечно, о политике, хотя он и не политик.

* * *

В Бразилии я видела ярко окрашенную гусеницу толщиной с большой палец. Казалось, ее придумал Мондриан: бока украшали симметричные синие, красные и желтые квадраты. Я не верила глазам. Удивительнейшая тварь, она, казалось, имела две ярко-красные головы на обоих концах тела. Я смотрела на нее не отрываясь, пытаюсь понять, может ли такое быть. А то, чего доброго, я перегрелась на солнце или у меня случились галлюцинации от подкопченного черного чая, который я потягивала каждый день, наблюдая за тем, как дети гоняют мяч на площади. Позже я узнала, что у гусениц бывают фальшивые головы для защиты от хищников. В тот момент я не могла решить, на какой половине кровати я хочу спать. Скажем, подушка лежала на южном конце кровати: бывало, я спала так, а потом перекладывала ее на север и спала эдак. В итоге я положила подушки в обоих концах кровати. Не исключаю, что это было физическое выражение раздвоенности моей персоны, нежелания решать, моих колебаний.

Если любовь разваливается, приходит ночь. И длится без конца. Полная гневных мыслей и обвинений. И эти изматывающие внутренние монологи не смолкают с восходом солнца. Именно это меня больше всего возмущало: то, что мой разум похищен и полностью занят Им. Оккупация, не меньше. Несчастливая жизнь понемногу входила у меня в привычку – так, как это описывал Беккет: «Эта то, что можно копить всю жизнь... как пополняют коллекцию яиц или марок».

Вернувшись в Лондон, я получила от турка, что торговал в газетном киоске поблизости, кольцо для ключей с помпоном. Не понимая, что с ним делать, я прицепила кольцо на сумочку. Есть в помпонах что-то живое и ободряющее. Я гуляла в Гайд-парке с одним коллегой, и помпон радостно подпрыгивал, пока мы бродили, вороша ногами палую листву. Этот помпон был как вольный дух, безудержный весельчак, отчасти зверь, отчасти что-то иное. Он казался настолько счастливее меня! У моего спутника я увидела тонкое кольцо с крошечным тусклым бриллиантом, вделанным в ажурную золотую ленту. «Обручальное, жена выбрала, – сказал мой коллега, – оно викторианское, не совсем мой стиль, но напоминает мне о ней». А потом добавил: «Жена опять разбила машину». – «Ага, – подумала я, шагая под золотыми ветвями, – у нее нет имени. Она жена, и все». Я задумалась, почему этот человек обычно забывает имена большинства

женщин, с которыми знакомится на светских сборищах. Он упоминал их не иначе как чьих-то жен или подружек, будто это все, что мне нужно о них знать.

И если у нас нет имен, кто мы?

* * *

Я плакала как женщина, поняв, что мой брак закончился. Я видела мужчину, рыдавшего как женщина, но, кажется, мне не довелось видеть женщин, плакавших по-мужски. А того, что рыдал как женщина, я видела на похоронах, и он не столько плакал, сколько выл, всхлипывал и скулил: это был суровый плач. Плечи у него тряслись, лицо шло пятнами, он лез в карман, прижимал к глазам бумажные платки. Которые расплзались один за другим. Странные звуки и восклицания вырывались из его легких. Истовое, откровенное горе.

Я подумала, что в этот момент он плачет обо всех нас. Все остальные плакали более социально приемлемым образом. Я заговорила с этим человеком на поминках, и он сказал, что утрата заставила его понять: в его жизни «любовь оставила запись в гостевой книге, но так и не поселилась».

Он спрашивал себя, что помешало ему быть смелее. Мы потягивали ирландский виски той марки, которую предпочитал необыкновенный человек, оставивший нас. Я спросила моего собеседника, был ли он любовником умершего. Он

ответил, что были, много лет, с перерывами, но так и не отважились стать друг для друга уязвимыми. Они не решились подчиниться своей любви. Мой собеседник спросил меня, почему мой брак пошел ко дну, и его собственная откровенность помогла мне говорить свободнее. Послушав меня минуту-другую, он заметил: «Похоже, вам все-таки лучше найти новую дорогу в жизни».

Я представила, что разговор, который у меня так и не состоялся с отцом моих детей, однажды найдут в «черном ящике», погрузившемся на дно океана после крушения лодки. Каким-нибудь дождливым вторником в далеком будущем его найдут представители искусственной жизни, которые сядут в кружок послушать горькие и сильные голоса страдающих людей.

Лучшее, что я сделала в жизни, – не поплыла к лодке. Но куда мне было плыть?

3. Сачки

Семейный дом мы продали. Казалось, разбирание и упаковывание долгой жизни, прожитой вместе, сложило время в несколько слоев, придав ему странную форму: воспоминание об отъезде из Южной Африки, моей родной страны, в мои девять лет, и тут же мысли о той неведомой жизни, которая предстоит теперь в пятьдесят. Я развинчивала по частям дом, на строительство которого потратила большую часть своей жизни.

Сорвите обои с волшебной сказки о Семейном Доме, где на первом месте комфорт и счастье мужчин и детей, и вы найдете никем не отблагодаренную, нелюбимую, брошенную, бесконечно усталую женщину. Нужны умение, время, самоотдача и сочувствие, чтобы устроить дом, где всем хорошо и где все работает без перебоев. Но главное, это акт невероятного великодушия – быть архитектором чужого благополучия. Эту задачу до сих пор многие считают женской миссией. И соответственно, есть множество разных слов, чтобы принизить это нелегкое дело. Если жена и мать – плоть от плоти общества, она играет роль всеобщей жены и матери. Она играет в спектакле, который патриархальный мир придумал для нуклеарной гетеросексуальной семьи, конечно, добавляя несколько собственных красок из нынешнего дня. В семье ты не чувствуешь себя дома – с этого начина-

ется большая драма общества и его недовольных женщин. Если ее не полностью сломала общественная драма, в которой она участвует своими надеждами, гордостью, счастьем, нерешимостью и гневом, женщина перепишет ее наново.

* * *

Разобрать семейный дом – как сломать часы. Столько времени протекло сквозь все измерения этого дома. Считается, что лиса слышит тиканье часов за сорок метров. В нашем доме на кухонной стене висели часы, меньше чем в сорока метрах от сада. Должно быть, лисы слушали их ход больше десяти лет кряду. Теперь часы навсегда сняты со стены и лежат вниз циферблатом в коробке.

Добрая соседка заметила, что я стою посреди сада, наблюдая, как захлопываются двери и заводится мотор грузового такси. Она спросила, не хочется ли мне отдохнуть. Я прилегла на часок у нее на диване. А когда поднялась, соседка спросила: «А что это там у вас?», указывая на детские рыболовные сачки моих дочерей, которые я не стала паковать с остальными вещами. Один сачок желтый, другой синий, все еще облепленные песком. Девочки ловили ими мелкую рыбу на каникулах, заходя в море по колени и выжидая, не подвернется ли какое-нибудь невероятное существо. Сачки, по пять футов в длину, теперь дремали, привалившись к викто-

рианскому эркерному окну соседки.

С отцом девочек мы решили разойтись, но в их жизни мы всегда будем вместе. Есть только дома, где любят, и дома, где не любят. Сломался патриархальный сценарий. И все равно большинство детей, выросших под его диктовку, постараются, вместе со всеми остальными, написать новый.

4. Жизнь в желтом

Я колесила по стране и каждый вечер делилась со слушателями захватившей меня идеей о полном разрушении привычного порядка и зарождении нового².

Элена Ферранте «История о пропавшем ребенке»

В ноябре мы с дочерьми поселились в квартире на шестом этаже большого и обветшавшего дома на вершине холма в Северном Лондоне. Судя по всему, в доме должен был начаться капитальный ремонт, но о нем все забыли. Три года после нашего заселения полы на лестничной клетке были затянуты толстой серой пленкой. Эта невозможность отремонтировать и оживить огромное старое здание казалось печально созвучной моменту слома и разрушения в моей жизни. Но процесс реставрации, восстановления, возвращения чего-то существовавшего прежде, в этом случае – рассыпающегося здания в стиле ар-деко, оказался плохой метафорой для того этапа моей жизни.

Я не собиралась восстанавливать прошлое. Мне нужно было абсолютно новое творение.

Зима выдалась жестокой. В доме сломалась система отоп-

---

² Пер. О. Ткаченко.

ления. Ни тепла, ни горячей воды, а иногда – и холодной. У меня работали три галогеновых обогревателя, а под раковиной хранилась дюжина больших бутылок с минералкой. Без воды нечем было смывать в туалете. Кто-то не подписавшийся прилепил записку на двери лифта: «ПОМОГИТЕ. Сделайте что-нибудь. В квартире невозможный холод, можно ли что-то сделать?» Моя старшая дочь, только начавшая учебу в университете, шутила, что студенты по сравнению со мной живут в роскоши. Несколько недель после того, как она уехала готовить дипломную работу, я просыпалась ночью с физическим ощущением какого-то непорядка. Где мой старший ребенок? Потом я спохватывалась и понимала, что мы все переходим к какой-то новой жизни.

И не было смысла пытаться протащить в новую жизнь то, старое. Старый холодильник оказался слишком велик для моей новой кухни, старый диван – для новой гостиной, кровати никак не вписывались в комнаты. Мои книги по большей части оставались в коробках в гараже, как и прочие обломки семейного дома. Хуже того, в самый напряженный момент моей профессиональной жизни я осталась без кабинета. Я писала где только могла и сосредоточилась на том, чтобы устроить дом для моих девочек. Пожалуй, вот в те годы, а не в нашей полной семье, я больше всего жертвовала собой. И все же, устраивать такой дом, пространство для матери с дочерьми, было столь тяжело и так унижительно, так важно и

так увлекательно, что, к своему удивлению, я смогла, и весьма неплохо, работать в царившем вокруг хаосе.

Я думала четко, ясно: переезд в дом на холме и новая ситуация высвободили какие-то способности, что прежде были заперты и зажаты. В пятьдесят я стала сильнее физически – как раз с этого момента кости вроде бы должны терять прочность. Мне хватало энергии, потому что не было других вариантов. Мне нужно было писать, чтобы обеспечивать детей, и нужно было таскать все эти тяжести. Свобода не бывает дармовой. Всякий, кто добивался свободы, знает, чего она стоит.

* * *

Из сада в нашем семейном доме я притащила два огромных каменных цветочных горшка и выставила их на балкон своей спальни. Балкон размером с длинный узкий прилавок. Места там едва хватало для круглого садового столика и двух стульев. Горшки казались океанскими лайнерами в сельском пруду. Они были не отсюда. Не из этой новой жизни в небе и с широкими видами на Лондон. Унылый коридор в подъезде в семидесятых выкрасили в рябой серый: наверное, в тон серой пленке, которой затянули шелудивые зеленые ковры. Свет в коридорах горел круглые стучки: зловещие неизменные сумерки. А временами накатывало ощущение какой-то внутриутробности и наркотического бреда; будто висишь в

сером пузыре. Моим друзьям этот дом казался похожим на декорации к «Сиянию».

Я стала звать свой подъезд коридорами любви.

Курьеры, привозившие что-нибудь в первый раз (а квартира в том доме больше ста), выглядели слегка испуганными и растерянными. Если прикрыть глаза, можно было представить, что наш коридор – вроде манхэттенских апартаментов Дона Дрейпера из «Безумцев» – после небольшой катастрофы. Легкого землетрясения, в момент которого новые обитатели дома могли увидеть проблеск того, как дом выглядел в былые дни. Однако, если зайти в квартиру, то она после нашего темного викторианского дома казалась светлой и просторной. От рассвета до заката мы жили с небом: его серебряными туманами, летящими облаками и менявшей облик луной.

Иногда вечерами я работала на этом тесном балкончике, кутаясь в пальто, и мне казалось, что далекие звезды совсем рядом. Заставленный книжными стеллажами кабинет из прошлой жизни я сменила на черное зимнее небо в звездах. И вот тогда я впервые почувствовала вкус к британской зиме.

Мне подарили два молодых земляничных деревца, и им нравилось жить на балконе. И как только это вечнозеленое растение ухитрится принести в ноябре алые ягоды? Навер-

ное, этот вид сформировался до последнего ледникового периода, и поэтому любит холод. В иные вечера я работала в спальне, как студентка, только без пива, чипсов и косяка. В прежней жизни я привыкла работать рано по утрам, но теперь превратилась в личность утро-вечер. Не могу понять, что тогда случилось с моим сном. После перетаскивания всех этих тяжестей дико было сидеть и раздумывать, как выстроить слова в одном-единственном предложении. Через три дня после переезда где-то перед рассветом на монитор села огромная сонная пчела. И в то же время раздалось какое-то жужжание под колпаком лампы. Оглядевшись, я насчитала в комнате пять пчел, более энергичных, чем царица, прикорнувшая на моем экране. Сколько себя помню, то и дело со мной случались какие-то истории, связанные с пчелами, и я часто задумывалась, почему героев волшебных сказок, оказавшихся в лесной чаще, почти никогда не кусают и не жалят насекомые. Красная Шапочка, отправляясь через ельник и березняк с пирогом для бабушки, рисковала, что комары обгложут ей ноги задолго до того, как волк соберется и сожрет ее целиком. А что муравьи, пауки, клещи и слепни, с которыми она и мы делим эту землю? Откуда прилетели эти лондонские зимние пчелы? Видно, они влетели в комнату, посетив земляничные деревья на балконе. Мне казалось добрым знаком, что пчелы рады моему обществу и в дни моего счастья, и в дни бедствий. И как мне было с ними ужиться? Я потушила лампу, выключила ноутбук и вышла из

комнаты. Растянувшись на диване в гостиной, где вдоль стен еще громоздились двенадцать нераспакованных коробок, я вдруг вспомнила стихотворение Эмили Дикинсон. Я могла бы сказать, что оно явилось в моей голове из ниоткуда, но ведь такого места, как нигде, не существует. Все мои книжки Дикинсон набирались сырости, лежа в книжных коробках, что плесневели в гараже. Они не шли у меня из ума.

Слава – пчела.

И жужжаща –

И жаляща –

Ах, есть крыла еще³.

Мне было жаль, что слава не дала Эмили крыльев, пока та была жива. Я знала, каково это, когда всё против тебя, а надежда, по слову Эмили – это пернатое создание, что не прекращает петь несмотря на все неудачи и неблагодарность. Эмили Дикинсон стала затворницей. Как знать, не наказывала ли она себя за свое стремление к свободе, за сопротивление любому диктату? Еще один текст Эмили возник из ниоткуда, которое все равно – *где-то*, и в этом тексте было слово «жена». Я смогла вспомнить только первую строчку:

«Жена»! – Покончила...⁴

---

³ Пер. В. Емелина.

⁴ Пер. Я. Пробштейна.

Я гадала, с чем же это она покончила, и уснула в джинсах и обуви, как ковбой, вот только прерией моей было небо.

Той зимой мы с дочерью полюбили есть на завтрак апельсины. Вечером накануне мы чистили их и делили на дольки, варили сироп из меда и воды и оставляли в холодильнике. Потом стали экспериментировать, добавляя кардамон и розовую воду, но решили, что это будто с утра пораньше есть цветочные лепестки. Пчелам бы понравилось, но мне не хотелось зазывать их в компанию. Я купила часы из тех, что каждый час поют голосом новой птицы. В семь утра королек добавлял свой призыв к голосам собратьев, певших в темных зимних кронах. В четыре часа дня уже снова было темно, и в часах принимался барабанить и трещать большой пестрый дятел. Возвращаясь вечером домой, я, бывало, слышала песню соловья, встречавшую меня в серых коридорах любви.

Пока старшая дочь была в университете, наша семья из четырех человек ужималась до двух. Трудно было привыкнуть к пустому столу и к тому, что никто не вопит. Тогда я стала одалживать другую знакомую мне семью с нашей улицы – приглашать их едва ли не каждое воскресенье на обед. Так нас становилось шестеро, и наша маленькая семья превращалась в большую и шумную компанию. Они были умными, эти люди с нашей улицы. Понимали, что мне хочется расширить мою собственную семью, но никогда этого не говорили, ни шепотом, ни по секрету. Они приходили и в хорошем, и в дурном расположении духа: в зависимости от

того, потерял ли кто-то в тот день кроссовки, ключ от дома или телефон. Мы садились за обед, пили много вина, и гости смеялись над моими птичьими часами. Поскольку приходили они обычно около часа, их приветствовала серенада зяблика. А в момент прощания поднимала крик сипуха.

Если я не писала, не преподавала и не распаковывала коробки, то занималась прочисткой засорившейся раковины в ванной. Я все развинчивала, подставляла ведро и потом сидела, не понимая, что делать дальше. У кардиолога, жившего ниже, я одолжила какую-то хитроумную машинку. Она походила на пылесос, только у нее был еще тросик, который нужно заправлять в трубу. Дело было ранним утром, и я ходила, накинув на ночную рубашку куртку. Не то чтобы я надевала ее специально для этого занятия, просто она висела на крючке в ванной и была теплой. В этом контрасте между практичной толстой курткой и полупрозрачной ночнушкой, казалось, суммировалась вся моя ситуация, только не было ясно, какой выходит итоговая сумма. Теперь, уже не будучи в браке с обществом, я превращалась во что-то новое – или в кого-то. Во что и в кого? Как бы мне описать это странное ощущение растворения и распада? Слова должны распахнуть сознание. А когда слова закрывают сознание, будь уверен, что кто-то уменьшился до полного исчезновения.

Чтобы позабавить себя (никого рядом не было), я стала раздумывать о феномене женской ночной рубашки в аспекте

сантехники. Та, что была на мне, – из черного шелка, вполне, на мой взгляд, эротичная, в популярном смысле. В ней можно было и прогуливаться, и пойти на маскарад, учитывая, что женственность – в любом случае маскарад. Я понимала, что такой черный шелк – классика женского белья. А в довершение картины на мне были «шаманские тапки», как их называли мои дочери. Это замшевые бархатные боты, отороченные пышным, неприятно реалистичным искусственным мехом, который на одном сапоге свисал, будто хвост, и хлестал меня по лодыжкам, пока я ходила по квартире, разыскивая штуку под названием «суперныряльщик». Боты подарил мне один приятель: он решил, что меня нужно немного «подмотать», как он это назвал, вроде бы это слово из обихода сантехников, и оно означает – закрыть неровности или голое. Меховые боты с их успокаивающим теплом и волшебными свойствами (кажется, я фантазировала, что сама содрала эти шкуры с добытых животных) я ценила, а куртка казалась контрапунктом к черной шелковой сорочке.

Я человек. Я женщина.

А может, я шаманка?

В этом направлении я бы хотела продвинуться немного дальше. Шаманы-мужчины часто надевали женское платье. У них была главная функция в культуре. Мне рассказывали в Корее, что шаманкам позволено носить мужскую одежду, чтобы в их физическом теле возникала мужская составляющая. Не для того ли на мне эта грубая куртка? Работа ша-

мана – путешествовать по иным мирам, а моя – лазать по внутренностям труб под раковиной, выясняя, как они состыкованы с засорившимися трубами под ванной. Руки у меня зачесались, как бы воодушевляя на ждавшие меня подвиги самостоятельного ремонта. Из труб после длительных раскопок с помощью вантуза и непостижимой машинки кардиолога извлекся плотный осклизлый узел волос. Чистка труб оказалась сродни археологии. Волосы – продукт человеческой культуры, извлеченный из толщи земли. Вантуз показал себя прекрасным и полезным инструментом. Вода вновь свободно побежала в слив, и я помотала сальным комом волос в одиноком торжестве. Я стала думать, что могла бы не только раскопать Древний Рим, но и починить в нем водопровод. Понятно, что тогда мне понадобилась бы своя замысловатая машинка, как у соседа. Кардиолог пригласил меня выпить по бокалу вина, когда я верну инструмент. Был риск, что когда-то я снова влюблюсь, но уж точно я не собиралась отдавать сердце кардиологу.

В тот же день я разбила в ванной сад. Посадила высокий кактус и еще кое-какие суккуленты и составила их на полку рядом с ванной. Они были колючими, из некоторых торчали острые белые шипы. Похоже, пар от горячей ванны вызывал у них какое-то эротическое буйство, потому что суккуленты начали расти с сумасшедшей скоростью.

Дома все стало в буквальном смысле меньше (кроме сук-

кулентов), а моя жизнь стала больше. В те трудные дни я соглашалась на любую работу и морщилась, когда из почтового ящика разлетались счета. Я стала понимать: что мне нужно, так это полный достаток правильных вещей. Свет, небо и балкон – правильные вещи. Мои дети в поисках пути сквозь нашу новую историю взялись формировать ее сами, чтобы она стала их собственной историей, и поддерживали тесную связь со своим отцом, и это тоже были правильные вещи. И квартира, полная поющих подростков – когда младшая дочь возвращалась из школы с компанией подруг, – тоже была правильной вещью. Отсутствие спокойного места для работы не было правильной вещью. Жизнь без животных не была правильной вещью. Но как возьмешь животное в квартиру на шестом этаже? Мы думали о золотой рыбке, и решили, что лучше ей будет в пруду. Дочь говорила, что завела бы мышь, но так и не завела. Мы обсуждали попугая, но и это ни к чему не привело. Дочь одно время рассуждала о том, что хорошо бы поймать в парке белку и поселить у нас. Поймала ли она ее? Расчесывала ли ей хвост каждое утро перед уходом в школу? Об этом она мечтала, но этого не случилось. Вместо этого дочь читала в кровати «Великого Гэтсби», а потом сообщила мне, что Скотт Фицджеральд писатель не очень. Иногда животные утешают лучше, чем книги.

Подруга Джемма сказала мне: «Заставь комнату работать на тебя. Поставь письменный стол. Полки. Притащи коробки из гаража и распакуй книги. И попробуй жить с цветом». Она имела в виду – покрасить стены в какой-то цвет, кроме белого. «Желтый хорошо тебе подойдет, – настаивала она, – и он расширяет восприятие». На этих словах я вспомнила, как мы выкрасили потолок в спальне семейного дома в цвет, именовавшийся «английский небесный свет». Потолок выглядел как хмурое свинцовое небо. Даже когда на улице светило солнце, в комнате шел дождь. День за днем и ночь за ночью.

В новой жизни я решительно настроилась жить с цветом. Стены комнаты я покрасила в желтый. В благотворительном секонд-хенде купила роскошные оранжевые шторы и повесила на стену африканский щит, сделанный из куриных перьев, выкрашенных в розовый. Он был два фута шириной и выглядел как гигантский распутившийся цветок. Щит был шит так, что мог складываться и разворачиваться. Но повешенный на стену, он всегда оставался развернутым, в дни, когда я эмоционально свернулась. Я нуждалась в щите, чтобы оградиться от ярости моей прежней жизни. Наверное, я могла бы сказать, что защищаюсь от нее цветком.

Мой кумир – восьмидесятиоднолетняя художница из Юж-

ной Африки по имени Эстер Малангу, которая решила стать художницей в десять лет, наблюдая, как ее мать и бабушка пишут кистями из куриных перьев. Она и сама была произведением искусства: одежда расшита бусами, на руках, на ногах, на шее браслеты и колье. Мне хотелось бы с ней поговорить, но я не знала, что хочу ей сказать.

«Эстер, я не знаю, как жить в этом желтом. Не знаю, как жить в моей новой жизни».

Я бесилась от этих желтых стен.

А от занавесок оранжевого шелка я начинала чесаться, едва открыв глаза.

Я сняла щит и покрасила все стены, кроме одной, снова в белый. Щит заменила шелкографическим портретом Оскара Уайльда. После этого я взялась за моль в кухне. Мотыльки напоминали о романах Маркеса, кружили надо мной, будто мелкие слепые демоны, вскормленные на блинной муке и овсянке из моего буфета.

Моли, казалось, нравится садиться на фотографии, прикрепленные магнитами к дверце холодильника. Я прицепила две. На первой была английская ваятельница Барбара Хепурт в возрасте шестидесяти лет, с резцом в руке привалившаяся к огромному деревянному шару, который она режет. Она взорвала плотный массив дерева, вырезав в нем полость, дыру, – после рождения первого ребенка в 1931 году. Искусство скульптуры Хепурт называла трехмерным представлением идеи.

На второй фотографии другой скульптор, Луиза Буржуа, в возрасте девяноста лет, со стальным резцом в руке, опирается на белую шарообразную скульптуру, высотой ей до пояса. На Луизе шифоновая блуза, поверх – черный жакет, седые волосы собраны в хвост, в ушах золотые сережки-колечки. Буржуа исповедовала немодную идею: творю, потому что не могу вместить собственных эмоций.

Да, зачастую чувства бывают слишком мучительны. Последние несколько месяцев я только и делала, что пыталась не чувствовать ничего вообще. Буржуа выучилась шить в раннем детстве, в гобеленовой мастерской родителей. Игла представлялась ей инструментом психологической починки – а починить, говорит она, ей хотелось прошлое.

От прошлого мы либо умираем, либо становимся художниками.

Пруст тоже шел к этой мысли, и нащупал другую, более подходящую к моей тогдашней жизненной ситуации:

Идеи – это заменители горестей; в то самое мгновение, когда происходит это замещение, скорби утрачивают часть своего вредоносного действия на наше сердце⁵.

Сражаясь с молью и разнообразными горестями, и с прошлым, которое каждый божий день возвращалось меня мучить, я бросала взгляды на двух художниц, косо прицеплен-

---

⁵ Пер. А. Смирновой.

ных на дверцу холодильника. То особенное свойство внимания, с которым они спокойно обтачивали изобретенные ими формы, придавало им в моих глазах необычайную красоту. Лишь такая красота имела для меня значение. В эти смутные дни письмо осталось одним из немногих занятий, гасившим тревогу о неясном завтра, о том, что с нами будет дальше. Где-то возникала идея, подплывала ко мне, может быть, переродившаяся из горя, но я не знала, не убьет ли ее мое свободно блуждающее внимание или тем более внимание направленное. Разворачивать любое число идей во всех временных измерениях – великое удовольствие писательского труда. Но писать мне было негде.

5. Тяготение

Выручила меня Селия. Леди немного за восемьдесят, актриса и книготорговец. Однажды вечером в конце января у себя на кухне она стала что-то петь мне по-валлийски. Я сказала, что не понимаю этот язык.

– Конечно, я родилась в Уэльсе, а ты нет, но когда я пела, я думала о том, что тебе нужно место для работы.

Она указала в сторону сарая, что стоял в ее саду. Именно там покойный муж Селии, большой поэт Эдриан Митчелл, иногда работал весной и летом. Сарай под яблоней. Не больше чем за три секунды я согласилась его арендовать. Селия знала, что я содержу «приличную толпу», как она это назвала, так что мы заключили простую сделку за стаканчиком гаванского рома, к которому она питала пристрастие, особенно в смеси с кока-колой. Всякий раз, причащаясь гаванским ромом, она поднимала стакан, чтобы провозгласить тост за чудо высочайшего процента грамотности на Кубе. «Кстати, – говорила она, – в следующий раз, когда бойлер в твоей квартире забарахлит, приходите ко мне принимать горячую ванну».

Каждому нужен такой ангел-хранитель, как Селия.

Сарай не назовешь шикарным. Он пришелся бы впору сезонному рабочему, но располагал четырьмя окнами в сад, письменным столом, обитым зеленой кожей, раньше принад-

лежавшим Эдриану, и несколькими книжными стеллажами, установленными у задней стены. И еще мне пришлось делить его с прахом золотистого ретривера, известного многим читателям Эдриана как Дейзи Догиня Мира.

Селия сказала: «Вот, сюда войдет куча книг, но Дэйзи мы тревожить не будем». Вообще-то Селия завела новую собаку, одноглазую, из приюта. Эта козявка яростно облаивала меня всякий раз, кода я приходила в дом. Селия, пожизненная пацифистка, спросила, не вооружить ли меня водяным пистолетом, чтобы отучить собачку на меня бросаться. Она отправилась в магазин «Все по 99 пенсов» и купила там набор из трех пластмассовых пистолетиков, но в итоге я стала ходить в свой сарай через садовую калитку сбоку от дома. Селия понимала, что писать я буду в самое разное время, и многим друзьям представляла меня как Ту Что Рыщет В Саду. Под ее зорким оком никто не смел мешать мне писать: стучаться в дверь и приставать с разговорами (погода, новости, привезли торт), и даже являться со срочным посланием от Хозяйки Дома. Чтобы меня настолько ценили и уважали – притом так, будто это самая естественная вещь на свете, – это было непривычно. Тогда я не знала еще, что в этом сарае напишу три книги, в том числе ту, которую вы сейчас читаете. Именно там я стала писать от первого лица, используя «я», похожее на меня, но все же не свое.

Мой ангел-хранитель, отличавшаяся буйным нравом и любившая на всех орать – когда не орала на демонстраци-

ях в защиту государственного здравоохранения, – настояла, чтобы в сарае остался ее дополнительный холодильник. Было время, когда в этом холодильнике, высотой мне по пояс, всего-то и лежало, что двадцать пакетов с разрезанными яблоками, осенью снятыми с дерева. Селии нравилось весь год печь яблочный пирог, а Майви, Одноглазая Догиня Войны, лежала, преданно привалившись к ее лодыжкам. Я бы не удивилась, если бы эта шелудивая собачонка затянула валлийскую песню.

Я рассказала Селии, как Фрейд удивлялся тому, что именно те пациенты, которые изо всех сил старались казаться разумными, радовались, будто дети, когда им снилось, что собака читает стихи. Она ответила, что если бы Майви вдруг принялась цитировать поэзию, так только Эдриана. Судя по всему, полным именем Майви было Майфанви, по-валлийски «драгоценная», хотя еще оно может означать «моя диковина», «моя женщина» и «моя любимая». Я решила больше не бросаться в Селию Фрейдом, пока у нее в руке нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.